

Евгений Беляков
*Два слова о походе князя Игоря
Святославича*

Литературоведческое исследование

ЕВГЕНИЙ БЕЛЯКОВ

**Два слова о походе князя
Игоря Святославича.
Литературоведческое
расследование**

«Издательские решения»

Беляков Е.

Два слова о походе князя Игоря Святославича.
Литературоведческое исследование / Е. Беляков —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-960883-3

В этой книге рассмотрены вопросы авторства «Слова о полку Игореве», события, связанные с созданием великого произведения. Куда стремился русский князь Игорь Святославич? Чьей женой была Ярославна? Подробно рассматривается маршрут похода войска князя Игоря и обстоятельства битвы. Оказывается, весь текст «Слова» пронизан картинками из букв, поэтическими «лабиринтами». Как изначально выглядел текст «Слова»? Кто и зачем изменил его? Выводы, к которым приходит автор книги, сенсационны.

ISBN 978-5-44-960883-3

© Беляков Е.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Слово первое. Мария Васильковна	7
В деле о «Слове» полоцкий след	7
Конец ознакомительного фрагмента.	11

**Два слова о походе князя
Игоря Святославича
Литературоведческое исследование**

Евгений Беџаков

© Евгений Беџаков, 2019

ISBN 978-5-4496-0883-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Существует ли более загадочная книга, чем «Слово о полку Игореве»? Смыслы, которые были понятны в прошлом, теряются уже для следующего поколения, имеющего уже другой исторический контекст и приоритеты. Забываются факты. В дальнейшем даже сами слова забываются. Забываются аллюзии, при переписке теряются части текста, наконец сама единственная рукопись сгорает при пожаре в имении графа Мусина-Пушкина в 1812 году. Перед современным исследователем – проблема огромной трудности, необычайной масштабности: реставрация великого памятника древнерусской литературы, проблема, которая вряд ли когда-либо будет окончательно решена, но даже небольшие продвижения в ее решении все имеют огромное значение для русского мира, русской культуры.

Я начал работать над текстом «Слова о полку Игореве» еще в 1995 году, когда началась первая чеченская война. «Слово о полку Игореве» было первым повествованием в русской литературе о войне, попавшим в плен к врагу. Мы жили в то время в небольшой станице в Краснодарском крае, которая называлась Подгорная. Имена других станиц – Бесстрашная, Спокойная... – все напоминали нам о войне России с Кавказом. Как и военные вертолеты, пролетавшие над головами по направлению к Чечне.

Я прочитал введение к сборнику переводов «Слова», в котором говорилось, что мелкий князь по имени Игорь совершил неудачный грабительский поход на половцев, попал в плен, и потом совершил побег из плена, чему очень радовалась вся русская земля. Я ничего не понял и ничему не поверил. Его казнить надо было, что дружину погубил, а они радуются...

Потом много лет пытался я опровергнуть по частям эту галиматью. Игорь не был мелким князем. Он претендовал в будущем на золотой престол Киева. Все, что происходило, имело огромное значение.

Слово первое. Мария Васильковна

В деле о «Слове» полоцкий след

Вопрос об авторстве «Слова о полку» оказался особенно интригующим, поскольку круг возможных авторов не столь уж и широк. Уже одно то, что автором «Слова» должен быть, скорее всего, какой-нибудь князь, резко сужает круг кандидатур.

Правда высказывалась гипотеза о неизвестном ратнике из войска Игоря... Но трудно предположить, что ратник будет по своей воле столь резко высказываться о русских князьях – это было опасно, да и просто невозможно. Среди предполагаемых авторов не княжеского рода называли книжника Тимофея, певцов Митусу, Ходыну (только кто это такой?), конюшего Тимофея Рагуиловича, тысяцкого Мирошку Наздиловича, летописца Петра Бориславича и некоторых других. Но всё же – мало верится...

Гораздо интереснее – неожиданное утверждение, что сам же князь Игорь и был автором «Слова». Эта, ныне очень популярная гипотеза, высказывалась И. Кобзевым, писателем Чивилихиным, автором ныне забытого романа-эссе «Память», поэтом-переводчиком Шарлеманем. Эту же гипотезу развил и поддержал в своей книге архитектор В. Буйначев.

Вспомним: «Слово о полку Игореве...» – а дальше? Дальше могло бы стоять имя автора. И мы читаем: «Игоря, сына Святослава, внука Ольгова». Итак, автор назван? Да нет – это могло быть лишь простое пояснение, о каком-таком Игоре речь пойдёт. (Такое, но чуть более краткое «пояснение» мы найдём и в тексте поэмы, где уж точно не об авторе речь: «были полки Олеговы, Олега Святъславлича»).

Есть и ещё повод для сомнений. В «Слове» в положительном ключе говорится о князе Владимире Глебовиче Переяславльском («ранен князь Владимир, горе и туга сыну Глебову»). А это – враг князя Игоря. Игорь так не мог о нём писать.

Называют и других князей. Тема полоцкой ветки княжеской родословной в «Слове» непропорционально велика, что как-то (во всяком случае на первый взгляд) не вяжется с основным сюжетом. А потому, как считает В. Махновец, автором мог бы быть Владимир Галицкий, тот самый, что в опере Бородина поёт: «Как бы мне добраться чести...». Он был женат на дочери Святослава Киевского, Болеславе. Её мать – жена Святослава, Мария Полоцкая. Назывался и другой ее сын – Владимир.

Ну и так далее. Хоть имён называют много, круг всё-таки не слишком широк. И постепенно сужается. Всё это – круг семьи и близких великого князя Святослава, который и сам причастен к созданию «Слова»: ведь в центре повествования находится его «златое слово, со слезами смешанное». Вряд ли Автор посмел бы сильно перевернуть слова великого киевского князя.

Так каков же «круг» Святослава? Когда думаешь об этом, начинаешь понимать – очень уж близких людей из княжеского сословия у великого князя не было вовсе. Ярослав Черниговский? С ним как раз отношения очень напряжённые (что отразилось и в «Слове»: «Не вижду силы брата моего, Ярослава»). Двоюродный брат Игорь (герой «Слова»)? Да, конечно, но... Его можно не считать, уже обсудили. Рюрик Ростиславич? Отношения с соправителем, скорее всего, очень не простые, их лучше бы характеризовать словами «плохой мир».

Нет никого, кроме... княгини Марии Васильковны, жены. А ведь недавно ещё были высказаны и такие гипотезы: автор «Слова» – Ярославна, жена Игоря. Это предположение делает киевлянин М.А.Абрамов. Или автор – Агафья Ростиславовна – невестка Игоря (автор гипотезы – И. Державец). А всё-таки очень интересная мысль: автор – женщина!

В это хочется верить – потому что в «Слове» очень много – о любви, о долге, о семье, и очень кратко – о деталях сражения. Много в «Слове» женщин и о женщинах: о «жёнах русских», о «половецких девках», о Глебовне, об Ярославне, о Деве-Обиде, которая всплеснула лебедиными крыльями, о Карне и Желе – богинях языческого славянского пантеона (наверно, языческих персонажей или аллегорий явно женского рода).

А вот самый центральный эпизод поэмы – русичи «победили половцев в первом сражении» (которого, правда, не было). И о чём же идёт речь? О злате и паволоках, о драгих япончицах и оксамитах, об узорочье половецком... А потом: «Дремлет во поле Ольгово храброе гнездо...» – в этом удивительном эпизоде есть даже какие-то оттенки материнства! Чем больше вдумываешься, тем яснее – так может написать только женщина, только мать (и скорее всего – многодетная). Которая много ночей провела над колыбелью, убаюкивая своих засыпающих детей.

Половцы, победившие Игоря, вторглись на Русь: готские девы звенят русским златом, вспоминают Шарукана, которого в своё время победил князь Святослав Ярославич. А Святослав видит смутный сон на киевских горах: языческий обряд своих собственных похорон. «Тощие тулы» (наверно, служанки-монашки?) «негуют» его, очевидно, обмывают его мёртвое тело.

А когда Кончак с Гзой гонятся за Игорем в конце поэмы, то обсуждаются проблемы, которые вполне могут быть названы «семейными»: как быть с «соколёнком» (то есть с князем Владимиром, сыном Игоря, оставшимся в плену). Кончак предлагает опутать красной девицей, Гза против: «Не будет нам и девицы, не будет нам и сокольца»...

Ни в одном произведении древнерусской литературы нет такого обилия персонажей женского рода. Нет такого внимания к семейным проблемам.

С другой стороны – много и о животных разных, о птицах, волках, лисах, полозах. Ну что ж – были же в Древней Руси и женщины-охотницы. Например, Мария Васильковна, жена киевского Святослава...

Обратимся ещё раз к полоцкой версии. Ко времени, когда написано «Слово», как утверждают историки, Болеславы, жены Владимира Ярославича, уже не было в живых (хотя это и не точно, и даже есть исследователи, которые выступают за авторство Болеславы). И если предположить, что написал «Слово» кто-то из детей Святослава, то основным «информатором» автора была, верно, их мать – Мария Васильковна. А почему бы не предположить тогда, что она сама и есть – автор?

Позвольте, могут спросить, да возможно ли, чтобы в какой-то там дремучей старине, в 12-м веке появилось такое чудо – женщина-поэтесса? Да и были ли там вообще грамотные женщины? – спросит кто-нибудь.

Подобный вопрос свидетельствует о полной неосведомлённости, ибо – были, да притом обладавшие широкими, глубокими познаниями во всех областях тогдашней мировой культуры! Например, тётка Марии – Ефросинья (у которой Мария, наверно, и воспитывалась и училась хотя бы некоторое время) была одной из самых образованных женщин не только на Руси. Став монахиней в 11 лет она научилась переписывать книги, и зарабатывала этим (а также своими переводами с греческого) какие-то средства для своего монастыря. Там же при монастыре Ефросинья организовала школу для девочек (!).

Когда пятилетняя Мария переехала в Полоцк, куда приглашён был княжить Василько, Ефросинья, безусловно, не оставила Марию своим вниманием. В те ведь времена об образовании княжеских детей обоего пола заботились в первую голову.

Лет в 14 Мария вышла замуж за Святослава (тогда девушек выдавали замуж рано). Дальше – долгие скитания по заштатным городкам. Святославу пришлось много раз сменить покровителей и место жительства прежде чем по праву старшинства (и после жаркой схватки за престол) он стал Киевским князем. Влияние умной и глубокой женщины на князя, который

и сам не страдал отсутствием ума, было велико. В летописях пишут, что лишь по одному совету Марии, даже не обсудив ничего с боярами и дружиной, напал Святослав на смоленского князя Давыда – по одному лишь её совету! Умела же Мария убеждать.

Это было так. У Марии со Святославом, в то время княжившим в Чернигове, был сын Глеб. Великий князь Всеволод в одном из своих походов взял его в плен и сделал как бы заложником. Мария и Святослав были вне себя и сочли, что вправе любыми способами вредить мономашичам. Первый, кто попался под руку, был Давид Ростиславич. Святослав с Марией ловили рыбу в Днепре, а Давид мирно охотился. Он никак не мог считаться виноватым в истории с Глебом. Но ростиславичи скрывали действия Святослава как союзники Всеволода. И Мария со Святославом решились напасть на Давида. После чего они собирались в поход спасти сына. Давид же, как только понял, что происходит, пустился в бег, а Мария и Святослав стали стрелять в него из луков. Но тот всё-таки сбежал.

Для нас же важно одно – Мария активно вмешивалась в политику и умела убедить мужа, во всяком случае, когда речь шла о детях. Летописец особенно выделяет, что совет Святослав держал лишь с Марией и воеводой – в те времена, однако, было принято советоваться с боярами и с дружиной, а не с женой.

9 князей, к которым обращён призыв «Слова», – мономашичи, потомки Мономаха. Поэтому некоторые исследователи (Б. Рыбаков, например) высказывают мнение, что автор «Слова» должен быть из той же ветви княжеского родословного древа. Но это мне кажется маловероятным.

В то время на Руси ведь было два киевских князя-соправителя – Святослав и Рюрик, правда Святослав считался «старейшим». Он владел Киевом, а Рюрик – «областью», то есть киевской землёй, кроме самого города. Святослав – внук Олега (как и Игорь), а Рюрик – мономашич. Рюрик Ростиславич в «Слове» упоминается, но – разве так как Святослав? Возникает чувство, что автор «Слова» вообще не считает его великим князем. «Ты, буй Рюрик и Давид! Не ваши ли воины злачеными шеломами по крови плавали? Не ваша ли храбрая дружина рыкает как туры раненые саблями калеными на поле неизвестном?»

Никаких восхвалений. Никаких славословий. Никакого восхищения. Никакой дипломатической лести. Да и вообще, если внимательно прочитать «златое слово», видно, насколько в подтексте хвалебных слов мономашичам сарказма и скрытых обвинений. Это явно писал не мономашич. Мария же Васильковна – могла.

В «Слове» интересно сказано по поводу «главного мономашича»: де жаль Владимира Мономаха «нельзя было к горам киевским навечно пригвоздить», вот они и ссорятся... «Пригвоздить» – ничего себе комплимент!

Когда писалось «Слово о полку Игореве», Мария со Святославом прожили уже примерно 40 лет. У них было пять сыновей и три дочери. Еще примерно через 10 лет Святослав умер. Мария была у его смертного одра.

И ведь вот какая странная история произошла в день смерти Святослава (об этом сообщает летопись). К Святославу пришли гости из Византии сватать его внучку Ефимью за византийского цесаревича. Святослав не мог выйти к ним – был слаб и речь его была невнятной. Очнувшись от забытья, спросил он княгиню свою: «Когда будет день святых Маккавеев?». Она ответила: «В понедельник». Князь сказал: «О, не дождусь этого дня». И перед самой смертью приказал постричь себя в монахи. Княгиня же подумала, что он говорит о каком-то сне, возможно, о подобном сну в «Слове о полку». И почему-то отказалась звать священников. Возможно, как сторонница опального митрополита Климента, дела с нынешним иметь не хотела. Потому что дальше летопись пишет, что Святослав сказал: «Я верую в единого Бога». На что можно было так ответить? Климент мог быть сторонником диофизитства, признающего у Бога две различающиеся природы – божественную и человеческую. И, видимо, Мария про-

должала спорить, поскольку Святослав вынужден был послать за сватом своим Ростиславом. Так повздорили Мария с мужем у самого его смертного одра...

Во всяком случае поступок Марии очень характерен, очень узнается проблематика «Слова». И не случайно Мария, видимо, просила летописца описать это событие, в историческом масштабе, в общем-то, ничтожное, но косвенно подтверждающее её авторство (либо сама и описала).

Сам же Святослав «Слово» написать, разумеется, не мог (хотя, впрочем, его кандидатура предлагалась и не раз): вряд ли он стал бы в таком ключе писать о самом себе. Самовосхваления такого рода можно ожидать от кого угодно, только не от утонченного и умудренного автора «Слова». Да и дел у великого киевского князя немало, не до поэтических забав. И если так, то шансы именно Марии Васильковны оказаться автором (или одним из авторов) «Слова о полку Игореве» – самые высокие.

Одним из важнейших аргументов в пользу Марии Васильковны – так называемая «сфрагида»: поэтическая печать автора или авторов. Конечно, это место толковано-перетолковано, что не мешает мне дать свое толкование (впрочем, достаточно очевидное).

рекѣста боянѣ и ходына сватѣславла
пѣснотворьца стараго веремени
ярославла и ольгова когана хоти

То есть: «Говорили Боян и Ходына Святослава – песнотворцы старого времени, Ярослава и Олега кагана». «Песнотворца» – это двойственное число, а «возлюбленная» князя Олега, «хоть», наверно, попала сюда случайно. Слова: «хоть», «и», вероятно, относятся к следующей фразе: «Хоть и тяжко голове без плеч».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.